

В ряду литераторов, биографически и творчески связанных с Вологодским краем, далеко не последнее место занимает Александр Васильевич Круглов. Между тем, этот автор, выпустивший за годы своей литературной работы более ста книг, сотрудничавший со многими газетами и журналами, как провинциальными, так и столичными, входивший в число наиболее популярных детских писателей, оказался с течением времени обойденным вниманием потомков. По делам ли воздала писателю его посмертная судьба?

Справедливости ради нужно заметить, что о полном забвении имени Круглова говорить не приходится. В 1968 году подборка его стихотворений была включена в книгу «Поэты-демократы 1870–80-х годов». В 1983 году два рассказа из жизни охотников коми появились в сборнике «В дебрях Севера». В 1988 году тексты его стихотворных произведений, положенных на музыку, вошли в состав двухтомного издания «Песни русских поэтов». В конце 1990-х издатели вспомнили о Круглове как об авторе нравственно-религиозных произведений для детей. Что же касается земляков-вологжан, то в 1960–80-х годах писатель-краевед В. Железняк опубликовал несколько очерков, посвященных А. Круглову. И все-таки, многим ли землякам писателя известны его имя, его жизнь, его труды? Быть, что называется, на слуху, подобно Батюшкову, Засодимскому или Гиляровскому, писателю не пришлось. Да он на посмертную славу и не рассчитывал. Ему довольно было сознания причастности к великому делу культурного служения народу.

Родился Александр Круглов 5 (17) июня 1852 года в Великом Устюге. Его отец происходил из духовного сословия, дослужился до чина коллежского асессора и к моменту появления на свет сына занимал должность штатного смотрителя Великоустюгского народного училища. В Устюге пользовался всеобщим уважением и за свои недюжинные, на взгляд провинциальных обывателей, познания получил прозвище «ученого». Мать будущего писателя была дочерью вологодского помещика А.Н. Горновского. Ребенку не исполнилось и полугодя, как скоропостижно скончался ее супруг, и она в состоянии сильнейшего душевного потрясения была вынуждена вернуться под родительский кров. От матери и от старшей сестры мальчик перенял духовный настрой, который точнее всего может быть определен как набожность. Няня чаровала его воображение сказочными историями. Существовала в семье и традиция вечернего чтения вслух. Особенно сильно взволновали юного Александра романы «Юрий Милославский» М. Загоскина и «Таинственный монах» Р. Зотова. Под впечатлением от услышанного он попеременно играл то в христианского подвижника, то в героев полюбившихся литературных произведений и страстно предавался сочинительству, удивляя домашних буйством своей фантазии.

Потом были Вологодское уездное училище и гимназия, запойное чтение, сближение с кружком «мыслящих реалистов» — почитателей Писарева, увлечение идеями народнического толка, общение со ссыльными народниками Н.В. Шелгуновым и П.Л. Лавровым, участие в «подпольном» рукописном журнале «Тесный кружок» («Наша мысль») и — исключение из гимназии за дерзкую выходку, что закрыло юноше путь в университет. Нужно было как-то устраиваться в жизни, расставшись с мечтами о студенческой скамье. Круглов окончил педагогические курсы, это дало ему возможность попробовать себя в роли учителя. Первая публикация Круглова — корреспонденция о вологодских педагогических курсах и ремесленном училище — появилась в московской еженедельной газете «Русская летопись». В январе 1871 года знаменитый петербургский журнал «Искра» опубликовал его сатирический рассказ «Роковое слово». Летом следующего года издаваемая в Петербурге газета «Неделя» напечатала очерк Круглова о вологодских кружевницах и рассказ «Загубленная жизнь». За очерк он получил свой первый гонорар. Мечта о литературном поприще начала обретать реальную основу. Юноша решил попытаться счастья в Северной Пальмире. Устроиться в огромном незнакомом городе ему удалось лишь со второй попытки. Потерпев первый раз неудачу, он вернулся в Вологду и выслушал отповедь-напутствие знакомого революционера-народника, «честного безумца» Н.Ф. Лермонтова: «Хорошо, если урок пойдет вам на пользу... Мужайтесь, друг мой! Не будьте Кирсановым!.. Закалите себя... иначе нельзя: крепостного права нет... Нельзя теперь сидеть в усадьбе и писать элегии, кушать готовый хлеб... Надо выбиваться, а то дарование свое загубите...». Лермонтов и Круглов во взглядах на средства преобразования общества резко разошлись. Но молодых людей роднило искреннее желание служить народному благу. Поэтому Лермонтов, сохраняя верность своей однажды избранной жизненной программе, признал право Круглова идти другой дорогой.

Собираясь с силами для очередной поездки в столицу, А. Круглов продолжал писать, и вскоре в народническом журнале «Дело» были впервые напечатаны его стихи. Событие для молодого автора знаменательное, поскольку он всегда считал себя по преимуществу поэтом. В газете «Гражданин», которая также выходила в Петербурге, появилась его статья о состоянии образования и земского здравоохранения в Вологде и Вологодском уезде. Статья вызвала волну негодования. Понадобилось даже заступничество влиятельных людей, чтобы новоявленный «обличитель» мог избежать административной расправы. Круглов жил ожиданием перемен, много читал, давал уроки ради заработка, интересовался постановкой школьного дела. По чьему-то ходатайству он был принят сверхштатным чиновником особых поручений в Вологодскую казенную палату. Но служба его не

прельщала, он все больше и больше осознавал себя литератором по призванию и в 1873 году вновь отправился в Петербург. На этот раз удача сопутствовала ему...

На первых порах жизни в столице Круглов публиковал произведения небольшого объема — очерки, рассказы, стихи. Но ему хотелось заявить о себе и как о создателе широкого художественного полотна. Он решился на смелый шаг и обратился к Ф.М. Достоевскому с просьбой прочесть написанный им в Вологде роман «Новый путь». Обожаемый Кругловым писатель рукопись прочитал и устроил начинающему романисту разностороннее отношение при отсутствии житейского опыта и духовной зрелости, посоветовал ограничиться пока более скромными литературными формами, отложив крупномасштабные замыслы на будущее. Автор «Преступления и наказания» сумел, однако, повернуть дело так, что молодой сочинитель не почувствовал себя уничтоженным, а проникся сознанием необходимости дальнейшего совершенствования. От Достоевского же Круглов получил и важное напутствие: «Бойтесь партий. Россия — вот кому обязан служить писатель и больше никому. Русское народное дело — вот наша цель. Русский писатель должен быть верующим, ибо только Христос — истинный путь. Все должны быть нравственны, а писатель наипаче. А что такое нравственность? Где мерило? Опять-таки — один Христос. Его Евангелие».

Сказанное Достоевским было заложено в душе Круглова ранее, однако эти слова способствовали тому, что полусознанные предпочтения и устремления отстоялись в твердые убеждения. Как ни странно покажется на первый взгляд, но влияние на Круглова Лермонтова и Достоевского, деятелей совершенно разного типа, было в определенном смысле однонаправленным. Они учили юношу верности идеалам, независимости, жизненной стойкости, самоотверженности.

Что удалось свершить на протяжении почти полувековой работы в литературе Круглову? Себя как писателя он был склонен причислять к «малым чинам». Писателем первого ряда, равновеликим выдающимся современникам Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, А.П. Чехову, он не был. На роль властителя дум и сердец — не претендовал, прекрасно осознавая меру отпущенного ему таланта. Хотя, конечно, свидетельства живого интереса к написанному им были Круглову небезразличны. В.А. Гиляровский назвал его честным литератором, который всегда с достоинством держит перо в руках. Сам Круглов выразил свое творческое кредо так:

*Я не пророк, я не Божь,
Я не угасил мира:
Я — Божьей милостью — пишу,
Мое оружие — перо.*

*Я боюсь Господа моего:
Слова люблю и люблю,
Я сердцу истинно говорю,
Буду в нем искру Божью.*

вежества и социальных предрассудков будет постепенно рассеиваться и русский народ сможет обрести лучшую участь. Сама же эта работа, по его глубокому убеждению, должна основываться на христианских ценностях. В несуетной, твердой, деятельной вере писатель видел залог духовного благополучия. В полном соответствии со своими убеждениями самыми несчастными, заслуживающими сочувствия людьми он считал тех, «Кто, пред Божиим милосердьем / Головы не преклоняя, / Из житейской грешной битвы / Уходил в мир тьмы и тленья, / Не шепча святой молитвы / И не веря в воскресенье».

Неверно, однако, было бы полагать, что в творчестве писателя безраздельно господствовала религиозная тематика. Он писал о многом и разном: о быте, о «проклятых» вопросах русской деревни и о жаждущей принести пользу своему народу интеллигенции, об обитателях городского «дна», о коми-зырянах, населяющих северо-восток Вологодской губернии, о природе родного края, о светочах земли русской и о патриотизме как необходимом условии «самостоянья человека». Проблематика его книг отчетливо отразилась в их заглавиях: «Живые души», «Любовь и истина», «Господа крестьяне», «Потревоженные», «Лесные люди», «Под колесом жизни», «Мудрые и неразумные», «В чем счастье?», «Запросы духа». Есть у Круглова и произведения сатирического характера. Есть стихи, рассказы и очерки, в которых сильно задумавно-лирическая окраска. Однако оценка изображаемых явлений у него всегда, о чем бы он ни писал, поверяется христианским мировоззрением, даже если о религии как таковой речи не идет.

Особую важность Круглов придавал повседневному поведению человека, его способности сообщать христианской нравственности деятельный характер в любых, даже самых заурядных ситуациях. Такую способность он обнаруживал, например, у Достоевского. Однажды Круглов оказался свидетелем того, как знаменитый писатель отдал свои калоши встреченному на улице нищему. Сделал это Достоевский просто и естественно, без аффектации и самолюбования, как нечто действительно необходимое по неписаному закону человеколюбия. Подобного рода поступки широко использовались Кругловым для создания нравственно значимых ситуаций в произведениях для детей. Эти произведения составляют особую часть наследия писателя. Педагогикой Круглов заинтересовался еще в юности. С годами этот интерес возрастал. Он писал для педагогических журналов очерки и статьи, но как беллетрист нередко прибегал к художественным средствам воздействия на умы и сердца «маленького народа». Его многочисленные книги, адресованные детям, имели читательский успех, некоторые из них неоднократно переиздавались, а повести «Из золотого детства» и «Большак» были переведены на французский язык.

Александр Васильевич Круглов умер 9 (22) октября 1915 года, его могила находится в городе Сергиев Посад. Во время похорон писателя поэсса А. Шафранова прочитала посвященные ему стихи, в которых были слова: «Огнем неугасной у Бога лампы Теперь его сердце горит!». Для людей сердце писателя горит в его произведениях. Обращение к ним дает повод помянуть добрым словом автора.

Публикуясь в журналах и газетах, А.В. Круглов пользовался многими псевдонимами. Среди них были и такие: Веселый Устюжанин, Веселый Вологжанин, Скучающий Вологжанин, Вологодский, Устюженский, Грязовцев. Так писатель напоминал публике — и самому себе, конечно, тоже — о своей связи с родным Вологодским краем, любовь к которому в его душе не угасала никогда.

